

С. Б. Гавриш, канд. юрид. наук
Харьков

ОТЛИЧИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОСТУПКОВ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

При разграничении ряда экологических деликтов, составы которых в УК УССР и Кодексе Украинской ССР об административных правонарушениях описаны сходным образом, возникают значительные сложности. В ч. 2 ст. 9 КоАП установлено: «Административная ответственность за правонарушения... наступает, если эти нарушения по своему характеру не влекут за собой в соответствии с действующим законодательством уголовной ответственности». Таким образом, предпочтение отдается нормам УК. Однако критериев разграничения закон не определяет. В литературе же преобладают две точки зрения. Основным критерием разграничения проступлений и административных проступков считается степень общественной опасности содеянного (5, с. 38; 9, с. 56-66) либо же отрицается наличие общественной опасности за административным проступком и усматривается в нем только «общественная вредность» (7, с. 181; 10, с. 35-36), так как признание проступка общественно опасным может необоснованно «расширить число общественно опасных деяний, привести к недооценке борьбы с преступлениями» (11, с. 58). Вместе с тем не вызывает сомнения, что общественная вредность проступка выражается в его общественной опасности, материализованной в причиненном (возможном) ущербе от содеянного. Ссылки при этом на ст. 7 Основ законодательства об административных правонарушениях, которые не содержат прямого указания на данный признак в отличие от ст. 7 Основ уголовного законодательства, вряд ли убедительны (4, с. 10). Давая в указанной норме определение административного проступка, законодатель формулирует его как действие (бездействие), посягающее «на государственный или общественный порядок, социалистическую собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления», т. е., по сути, указывает на его опасность для охраняемых законом общественных отношений. Отсутствие такой опасности исключает возможность привлечения лица к административной ответственности.

Таким образом, и проступок, и преступление есть деяния

общественно опасные, поскольку наносят вред охраняемым общественным отношениям (6, с. 10). Основой их разграничения должны выступать характер и степень такой опасности, которые определяют своеобразие преступления по сравнению с другими, запрещенными правом деяниями (3, с. 15). Именно этот критерий является главенствующим при решении вопросов о криминализации экологических правонарушений. В соответствии с ним экологические проступки всегда должны быть менее опасны, чем соответствующие преступления.

Общественная опасность экологических деяний характеризует совершенное правонарушение с точки зрения возможного вреда, который оно может причинить природе и человеку, его будущим поколениям. Этот вред состоит из следующих трех частей, образующих в своем единстве экологические последствия деяния. Первое из них проявляется в виде экономического ущерба, имеющего денежное исчисление на основе специально установленных такс. Он присущ тем правонарушениям, в качестве предмета которых выступают природные объекты (элементы), участвующие в производственном процессе и выступающие как товар (лес, дикие животные, птицы, рыба). Строго фиксированный размер ущерба в денежном исчислении является наиболее удобным и точным критерием разграничения экологического проступка и преступления. Как показывает судебная практика, не возникает никаких трудностей при применении ч. 1 ст. 160 УК УССР, где названы в качестве условий уголовной ответственности минимальные суммы ущерба в денежном выражении. Причинение лесопорубкой меньшего ущерба образует административный проступок. Вместе с тем не совсем удачной представляется его дифференция в зависимости от группы и категории леса. Неоднаковая экологическая и экономическая ценность лесов учтена уже в специальных таксах для исчисления размера взысканий. Установление же в уголовном законе размера ущерба в зависимости от ценности предмета и его правового статуса не отражает реальной общественной опасности такого деяния, делает норму малоэффективной. В связи с этим целесообразнее в ч. 1 ст. 160 УК указать на единую сумму ущерба в денежном выражении независимо от группы и категории леса в размере, например, 100 руб., исчисленную по соответствующей таксе.

Экономический вред экологических правонарушений включает в себя не только стоимостные показатели, но и оценку экологической ценности природных ресурсов. Поэтому для установления степени общественной опасности содеянного следует учитывать вид и размер вреда, причиненного самой природной среде, ее элементам. Проступок обычно причиняет вред, который либо может компенсироваться самой природой, либо является незначительным, не способным к опасным видоизменениям и не требующим затрат для восстановления. Преступление же приводит к более тяжким последствиям: наступивший или возможный вред необратим либо трудновосстановим, состоит в нарушении экологического равнове-

сия жизнеобеспечивающих экосистем (биогеоценозов), их разрушении, уничтожении и пр. Как представляется, в будущем УК Украины экологический признак должен найти более полное отражение. Например, отдельные экологические преступления можно было бы сформулировать с указанием на такие последствия, как массовая гибель диких животных, рыбы птицы, уничтожение растительности на значительных по размеру территориях, уничтожение или существенное повреждение особо ценных природных объектов и т. д., что более четко отграничивало бы их от административных проступков.

Экологический ущерб тесно связан с физическим вредом причиняемым человеку, который в значительной мере определяет сутьность посягательства на природную среду. Он проявляется в причинении вреда жизни и здоровью человека, в создании его опасности для будущих поколений. Рассматриваемый ущерб приводит к таким изменениям в природной среде, которые лишают человека возможности существовать в благоприятных условиях естественного окружения, нарушают возможность отправлять жизненно важные функции и вызывают различные заболевания, нередко смерть. Представляется, что названный вред всегда свидетельствует о преступлении. Это и должно быть учтено законодателем. В уголовном законе следует предусмотреть ответственность и за возможность причинения вреда жизни и здоровью людей или создание угрозы такого вреда в будущем (заболевание людей или их гибель, угроза вреда для буших поколений).

Предмет экологических деяний самым тесным образом связан с их ущербом и раскрывает его сущность, наделяет индивидуальными чертами. Обладая экономическими и экологическими характеристиками, он является основой установления вреда определяет его размер и тем самым способствует отличию проступка от преступления. Решающее значение здесь имеют количественные и качественные признаки. Первые указывают на общее количество уничтоженных (истребленных, поврежденных и т. д.) предметов природы. Чем больше из них подверглось противоправному воздействию; тем быстрее проступок перерастает в преступление и количественный признак предмета приобретает качественное состояние. Следует отметить, что данное обстоятельство в действующем законодательстве учтено недостаточно и закреплено только в ч. 1 ст. 160 УК, где большее количество срубленных древостоев определяет и больший размер ущерба, что влияет на квалификацию. Было бы справедливо в связи с этим сформулировать в уголовном законе в качестве разграничительного момента положение, в соответствии с которым как преступление рассматриваются случаи уничтожения (истребление, повреждение) значительного числа предметов природы (например, при загрязнении земли, вод, воздуха веществами вредными для жизни организма, незаконном захоронении вредных веществ и пр.). Отсутствие в содеянном количественного признака давало бы основание рассматривать совершенное как просту-

пок. Качественные признаки предмета экологического правонарушения основаны на его ценности, в первую очередь как фактора, обеспечивающего жизненно важные потребности человека в природе, являющейся основной жизни. В этом смысле все природные богатства можно подразделить на три группы: охраняемые только административным правом, административным и уголовным правом и защита которых обеспечивается лишь уголовным правом. В зависимости от группы, ценности предмета различна и степень общественной опасности направленных против них деяний. К примеру, уничтожение подростка в лесах, самовольное сенокошение, повреждение пастбищных угодий, самовольный сбор дикорастущих плодов и т. п. законодателем рассматривается только как проступок. В то же время уничтожение (повреждение, загрязнение) древостоев в лесах диких животных и т. п. одновременно может рассматриваться (в зависимости от различных обстоятельств) и как проступок, и как преступление. В целях их разграничения необходимо закрепить в будущем УК Украины специальные перечни отдельных предметов природы с указанием условий привлечения к уголовной ответственности в этом случае (совершение преступлений на заповедной или иной аналогичной территории, истребление животных во время появления молодняка, ловля рыбы в период нереста и пр.) И, наконец, противоправное воздействие на особо ценные элементы природной среды (охота на зверей и птиц, охотиться на которых запрещено, охота на территории государственного заповедника, в недозволенных местах) всегда является преступлением и зачастую с квалифицирующими признаками.

Предмет правонарушения, его ценностные характеристики, как представляется, в наибольшей мере определяют социальную подвижность общественной опасности деяния т. е. зависимость ее характера и степени от социально-экономических изменений в обществе. Усиливающийся экологический кризис, дефицит природных богатств, безвозвратная утрата значительной их части настоятельно требуют усиления ответственности за противоправное воздействие на природу, криминализации ряда проступков, предметом которых выступают особо ценные объекты природы. Так, независимо от размера ущерба уголовная ответственность должна быть установлена за преступное воздействие на природные объекты, занесенные в «Красную книгу Украинской ССР», особо охраняемые государством или обладающие иными аналогичными характеристиками.

Таким образом, характер экологических последствий, их размер, масштабы, а тем самым и общественная опасность содеянного зависят в первую очередь от ценности предмета экологического посягательства. Наряду с этим существенную роль играют и способ совершения деяния, а равно и вина лица. В данном случае общественная опасность проявляется как единство опасности всех признаков состава правонарушения (8, с. 135).

Что же касается способа совершения правонарушения, то законодатель использует его в качестве самостоятельного признака, усиливающего общественную опасность экологических деяний, довольно редко (умышленное уничтожение или повреждение лесных массивов, совершенное путем поджога или иным общепасным способом, — ч. 2 и 3 ст. 89 УК УССР; браконьерство с применением автотранспортных средств — ч. 2 ст. 161 У УССР). Такое положение явно недостаточно. Известно, чем более опасен способ деяния, тем выше степень общественной опасности последнего, особенно применительно к сфере охраны природы, преступное воздействие на которую тесно связано с использованием новейших технических и технологических средств. Это например, залповый выброс в окружающую среду высокотоксичных, ядовитых, радиоактивных веществ, что может привести не только к загрязнению окружающей природной среды, но и заболеванию или гибели людей; использование для браконьерства вертолетов и др. Поэтому следует учесть, что составы многих экологических преступлений должны формулироваться с учетом опасности способа их совершения.

В УК УССР наряду с изложенным для разграничения экологического проступка и преступления используется также и конструкция так называемой необходимой повторности (повторность проступка). Преступлением считается деяние, если ему предшествовало аналогичное правонарушение, за которое лицо подвергалось мерам административного взыскания (ч. 1 ст. 161 УК), либо повторное совершение правонарушения независимо от привлечения лица за первое из них к административной ответственности (ч. 1 ст. 160 УК). В литературе отмечается, что такая повторность проступка обуславливает «нарастание» ответственности, поскольку повышается его общественная опасность (2, с. 91), что свидетельствует о наличии у субъекта «относительной устойчивости антиобщественной установки» (3, с. 15). Такой вывод нуждается в уточнении. Не вызывает сомнений, что повторение экологического проступка свидетельствует о повышенной общественной опасности личности правонарушителя, но не деяния, им учиненного. Во-первых, за ранее совершенное нарушение лицо может быть уже подвергнуто соответствующим мерам воздействия, а повторный проступок может причинить и меньший ущерб; во-вторых, в этом случае вообще нельзя говорить о едином деянии, поскольку образующие повторность проступки разорваны во времени, могут существенно отличаться по объективным и субъективным признакам. Объединяющим моментом здесь выступает лишь личность правонарушителя. Именно формирование у нее устойчивых тенденций к удовлетворению своих потребностей противоправным путем, уверенность в безнаказанности свидетельствуют о необходимости применения более суровой, а именно уголовной ответственности. Общественная опасность личности, повторяющей совершение правонарушений, не охватывается общественной опасностью деяния в целом. Она имеет самостоятельное значение и используется законодателем

для формулирования норм, устанавливающих необходимость предварительного привлечения лица к мерам административного взыскания или иного воздействия. Преюдициальность в экологических нормах УК дает возможность применить уголовный закон как последнее средство борьбы с такими посягательствами, обеспечивает единообразие их применения и более высокую превентивность. Поэтому вряд ли обоснованы предложения о декриминализации рассматриваемых составов по этому признаку (1, с. 15). Учитывая, что практически за все экологические проступки установлена административная ответственность, наиболее целесообразно конструировать составы этих преступлений с использованием административной преюдиции. Это позволит не только четко ограничивать экологический проступок от преступления, но и существенно повысить эффективность уголовного закона.

Список литературы: 1. *Келина С. Г.* Об основаниях и последствиях декриминализации деяний // Сов. гос-во и право. 1988. № 11. 2. *Коваль Л. В.* Административно-деликтное отношение. К., 1979. 3. *Крылов Г.* Разграничение преступления и административного проступка // Сов. юстиция. 1985. № 13. 4. *Лазарев Б.* Основание административной ответственности // Соц. законность. 1984. № 7. 5. *Лунев А. Е.* Административная ответственность за правонарушения. М., 1961. 6. *Малеин Н. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. 7. *Самощенко И. С., Фарукишин М. Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. 8. *Фефелов Л. А.* Общественная опасность преступного деяния // Сов. гос-во и право. 1977. № 5. 9. *Шишов О. Ф.* О разграничении преступлений и административных проступков в советском праве // Там же. 1961. 10. *Якуба О. М.* Административная ответственность. М., 1972. 11. *Якуба О. М.* О признаках административного правонарушения // Правоведение. 1964. № 3.